

УДК 340(37)(038)

Г.И. Тираспольский

Структурно-морфемные типы языка: опыт экспликации

Статья описывает новые понятия структурно-морфемной типологии языка, раскрывает его основные свойства в соотношении с системой языка, языковыми законами, тенденциями и деформациями

Ключевые слова: языковая система, лингвистические законы, системные изменения

The article states the new concept of structure-morphemic types of language, reveals its major properties in connection with the language system, language laws, tendencies and accidents

Kewords: language system, language laws, system changes

Как уже неоднократно отмечалось, теоретическое обоснование структурно-морфемных типов языка (далее – СМТ) крайне далеко от совершенства: не достигнуто ни единства соответствующей терминологии, ни общего понимания фундаментальных свойств этого явления, ни истолкования причин самого существования структурно-морфемных типов. Традиционные концепции не обладают необходимой объяснительной силой, а принципиально новых теорий на этот счёт пока не видно, вследствие чего нынешние представления о СМТ по сути не отличаются от тех, которые существовали в конце XIX в.

Рассчитывать в этих условиях на появление нового материала, который донёс бы до нас сведения о древнейших свойствах исследуемых языков, не приходится: если даже будут обнаружены архаические и читабельные тексты либо будут дешифрованы уже известные древние артефакты, это едва ли прибавит к нашим знаниям о СМТ что-либо существенно новое, поскольку не подлежит сомнению, что СМТ начали складываться как минимум десятки тысяч лет назад, когда не существовало даже самой примитивной письменности.

Следовательно, единственно возможным остаётся лишь умозрительное решение этой проблемы на основе известного нам фактического материала и теоретических положений, обладающих необходимой объяснительной силой.

В предлагаемой статье предпринимается попытка по-новому решить поставленную проблему с применением авторской концепции гиперязыка.

Термин *гиперязык* мы употребляем в значении «средство общения, оформления мыслей и накопления знаний, отличающее человека от животных и воплощённое в языках племён, народностей и наций». Целостность и качественная определённость гиперязыка обеспечиваются в значительной мере тем, что он представляет собой систему – совокупность однотипных единиц и их комбинаций, связанных отношениями качественной взаимозависимости. Этим система, в частности, отличается от упорядоченного множества, которое, подобно системе, обладает стройностью и структурой (совокупностью отношений между единицами), но лишена их качественной взаимозависимости. Последняя выражается в том, что при качественном изменении какой-либо единицы системы происходит качественное преобразование по меньшей мере одной другой единицы в составе системы и тем самым качественное изменение системы в целом. При этом следует подчеркнуть, что степень системности единиц языка и их комбинаций может быть различной, что можно определить такими понятиями, как *жёсткая (плотная) система*, *полумягкая (полужёсткая) система* и *мягкая (рыхлая) система*, применимыми не только к языку, но и к другим объектам. Примером жёсткой (плотной) системы могут служить механические часы: при удалении или разрушении лишь одной только детали этого механизма происходит качественное преобразование всего объекта, который из системы превращается в упорядоченное (и практически бесполезное) множество. Пример полумягкой (полужёсткой) системы, с некоторыми оговорками, – организм человека: утрата человеком конечности (конечностей) так или иначе ограничивает его возможности, но не упраздняет системных отношений в его организме. Мягкая (рыхлая) система – это объекты вроде Мирового океана или земной атмосферы, где системные отношения настолько слабы, что приближаются к связям в составе упорядоченного множества.

Важнейшее свойство языка – наличие в нём всех трёх перечисленных типов системных отношений на разных уровнях языках и в составе каждого из этих уровней, что позволяет определить язык как систему систем, или гиперсистему. При этом степень системности здесь не выстраивается как чересполосица с её резкими границами, а более или менее плавно градуируется, убывая от центра с его плотной системностью к периферии, где системность ослаблена.

Из всех подсистем гиперязыка наиболее жёсткой (а также самой компактной и малоизменчивой) является фонетическая (фонологическая) подсистема. Однако и здесь существуют единицы слабой системности. Например, в русском языке к ним относятся фонемы [ы], [щ], [жж'], [ц], [ч]. Первая имеет ограниченную сочетаемость (не употребля-

ется в начале слова) и служит субститутотом фонемы [и] в положении после твёрдого согласного, ср. *играть* – *сыграть*. Фонема [щ] в русских диалектах и в речи лиц, не вполне усвоивших нормы литературного произношения, подменяется долгим [ш]: *ишшо* «ещё», *товари[ишшы]*. Мягкая фонема [жж'] сплошь и рядом вытесняется твёрдым субститутотом [жж], ср. *вожжи*, *дрожжи*, *приезжать*. Системная рыхлость фонем [ц] и [ч] сказывается в возможности их диалектной взаимозамены – так называемое цоканье и чоканье: *цый* «чай», *лучи* «лучи» и т.п. Составляя периферию своей подсистемы, перечисленные фонемы подвержены более быстрым преобразованиям, чем фонетический центр, что и обеспечивает хронологическую асимметрию фонетической подсистемы в целом.

В грамматическом строе примером периферийной единицы может служить дательный посессивный, вытесненный в русской речи наших дней родительным посессивным ср.: *слуга царю* – *слуга царя*. На периферии находятся также формы родительного партитивного, ср. (*стакан*) *чаю* – (*стакан*) *чая*. Глагольные периферийные формы типа *хаживать*, *говаривать*, *сказывать* уже давно превратились в периферийные окаменелости.

Количество подобных примеров легко умножить, особенно если обратиться к словарному составу языка, системная рыхлость которого настолько очевидна, что некоторые исследователи вообще отказывают лексике в системности. Однако согласиться с ними нельзя хотя бы потому, что лексические единицы построены из фонем и морфем, системность которых общепризнанна. Важным признаком системности словарного состава языка служит его основной словарный фонд (корнеслов), состоящий из лексики, в наименьшей степени подверженной историческим изменениям. К таким словам, как известно, относятся следующие: личные местоимения первого и второго лица; термины родства; числительные первого десятка; слова, называющих важнейшие части тела; лексика, обозначающая жизненно важные понятия, и т.п. Вся остальные разряды слов более или менее периферийны, что и обуславливает хронологическую асимметрию лексической подсистемы.

Обратимся к вопросу о системообразующих факторах гиперязыка. Таковыми, на наш взгляд, являются законы (закономерности), тенденции и случайности. По степени охвата языков и языковых явлений законы гиперязыка делятся на универсальные, общие и частные. Ведущее место в гиперязыке занимают универсальные панхронические закономерности: закон экономии речеслуховых усилий (далее – *закон экономии*), закон эмфазы и закон стабильности. Закон экономии проявляется в стремлении предельно сократить речеслуховые усилия. Его биологическая основа – инстинкт самосохранения. Проявляется названный за-

кон прежде всего в наличии разного рода аббревиатур, компрессированных слов и словосочетаний, ср.: *РПГ – ручной противотанковый гранатомёт, СМИ – средства массовой информации, чтобы – чтоб, Иванович – Иваныч, Лужники – Лужа, компьютер – комп, мобильный телефон – мобильник (мобила), Манежная площадь – Манежка*. Закон эмфазы осуществляется в стремлении говорящих придать своим высказываниям предельную выразительность. Его биологическая основа – инстинкт захвата (присвоения). Типичный пример действия этого закона – лексическая синонимия, применяемая как средство эмоционального, а при возможности – и интеллектуального «захвата» собеседника, его ободрения либо психологического подавления, ср.: *глаза, очи, зенки, моргалы, лупалы, лупари, шары, чичи, глазенаны, гляделки, буркалы*. Закон стабильности не допускает скачкообразных качественных и количественных преобразований гиперязыка, обеспечивая речевое единство представителей разных поколений, живущих в одно и то же время. Его биологическая основа – инстинкт самосохранения.

Важной особенностью языковых законов является то обстоятельство, что, подобно природным, языковые законы действуют в определённое время и в конкретном месте. Вместе с тем, если природные законы осуществляются без обязательного присутствия человека, то языковые – с непременным его участием, через его организм и психику. Законы гиперязыка находятся в отношениях постоянного антагонизма. Их столкновение порождает энергию саморазвития гиперязыка, которое проявляется в существовании разного рода языковых тенденций.

В качестве примера тенденции рассмотрим распространение в русском языке флексии *-á* на месте флексий *-и, -ы* у существительных мужского рода, ср.: *цехи – цехá, инспекторы – инспекторá, тракторы – тракторá, ветры – ветрá, инженеры – инженерá, офицеры – офицерá*. Закон экономии требует, чтобы подобные дублетные формы или вообще не возникали, или хотя бы не накапливались, тогда как ударная и, следовательно, более выразительная флексия *-á* вполне отвечает закону эмфазы. С другой стороны, унификация парадигмы существительных мужского и среднего родов (ср., напр. *цехá* и *делá, тракторá* и *облака́*) действует согласно закону экономии и вопреки закону эмфазы. В итоге отмеченная тенденция то усиливается, то затухает, и её развитие может происходить неопределённо долго и с неясными результатами.

Наряду с законами и тенденциями в языке действуют случайности. Гиперязыковые случайности бывают внутренние и внешние. Внутренние случайности действуют в тех условиях, когда говорящий, поставленный перед необходимостью речевого выбора из равновесных возможностей, предпочитает одну из них по собственному почину. Так, ре-

результатом именно произвольного выбора стало звучание слова *облако*, восходящего к праславянскому **obvolkati* «окружать, обволакивать». В прежнем сочетании губных [bv] ни один из согласных не имел преимуществ перед другим для того, чтобы уцелеть. Однако в некий прекрасный день кто-то из говорящих произвольно опустил в своём произношении именно согласный [v], но не [b], а другие столь же случайно воспроизвели это произношение, что и определило звуковой облик слова *облако*, которое при другом стечении обстоятельств могло бы закрепиться и в звучании *овлако*, фонетически ничуть не худшем и вполне отвечающем звуковому укладу русского языка, ср. *волочить*, *наволочка*. Внешние случайности связаны с влиянием одного языка на другой, с разного рода процессами интерференции, с субстратными, адстратными и суперстратными явлениями. Примером внешней случайности может служить процесс соединения восточнославянской и южнославянской стихий в истории русского литературного языка. Случайный характер этого явления заключается в том, что строй древнерусского языка не имел никаких свойств, которые предполагали бы соединение восточнославянских элементов именно с южнославянскими, а не с какими-либо другими.

Законы гиперязыка находятся в отношениях постоянного антагонизма, результатом чего является асимметрия языковой системы, постоянное наличие в ней противоречий, структурной и хронологической неоднородности его единиц и их объединений. Асимметрия языковой системы может возрастать из-за разнонаправленности, различной временной приуроченности языковых тенденций и случайностей.

Отправляясь от перечисленных положений, мы можем с уверенностью предположить, что любой новооткрытый язык (если такое ещё возможно) всегда будет характеризоваться политипологизмом. Вместе с тем мы вправе с не меньшей уверенностью утверждать, что один из представленных в нём СМТ будет доминировать над другими СМТ, что соответствует закону экономии, не позволяющему беспрепятственно множиться пестроте и количеству языковых явлений. Со своей стороны, закон стабильности будет обеспечивать долговременную устойчивость доминирующего СМТ. Эта устойчивость, однако, будет постепенно, но упорно подтачиваться действием закона эмфазы, не терпящего материальной и структурной монотонности языка.

Самый жгучий, но и самый трудный вопрос эволюционной СМТ – как сложились три классических СМТ: изолирующий, агглютинирующий и флективный? С полной уверенностью можно утверждать только одно: их возникновение не имеет ничего общего с сознательными волевыми усилиями говорящих или с какой-либо телеологией – СМТ в мо-

мент их возникновения были результатом действия случайности, и только её. Для ответа на другой, не менее интригующий вопрос: почему существующие СМТ именно такие, а не иные, – необходимо принять во внимание такое существенное свойство языковых единиц, как их комбинаторика, т.е. способность сочетаться в речи тем или иным образом. Теоретически количество комбинаций языковых единиц способно достигать огромной величины, однако в существующих языках оно резко ограничено и в определённых случаях может быть точно подсчитано. Так, в современном общенациональном китайском языке (путунхуа) с учётом тонов насчитывается 1324 слога, а в отвлечении от тона – 414. Причина такой ограниченности, как нетрудно заметить, состоит в действии закона экономии, а длительное и надёжное существование названного инвентаря слогов объясняется действием закона стабильности. Вместе с тем упомянутые тоны, вступая в разнообразные комбинации со слогами, подчиняются закону эмфазы, обеспечивающему повышенную выразительность языковых единиц. Что же касается самих тонов, то их просхождение можно связать с необходимостью выразить пространственные и количественные отношения: высокий тон мог символизировать отдалённость какого-либо предмета от говорящего, крупный размер такого предмета либо то и другое вместе; низкий тон, напротив, мог означать близость предмета к говорящему, незначительный размер такого предмета, а также сочетание этих свойств. Комбинирование и метафоризация таких тонов в ходе истории языка стали служить для обозначения более тонких и сложных свойств предметов, причём закон экономии не позволял разрастись инвентарю тонов до количества, непосильного для артикуляционно-акустических возможностей человека. С течением времени семантика тонов абстрагировалась и последние стали применяться в большинстве случаев для дифференциации лексических значений вне связи их с семантикой локализации и объёма предметов.

Агглютинирующие (агглютинативные) языки (тюркские, финно-угорские и некоторые другие) представляют собой яркий пример действия закона эмфазы: развитая система аффиксов обеспечивает здесь выразительное обозначение всевозможных свойств действительности. Однако и здесь закон экономии не допускает разрастания инвентаря аффиксов до безграничного количества, действуя рука об руку с законом стабильности, благодаря которому типологическая эволюция агглютинирующих языков осуществляется крайне замедленно.

Во флективных языках, напротив, сфера действия закона стабильности значительно уже, вследствие чего борьба закона экономии с законом эмфазы приводит здесь к ускоренной типологической эволюции, хрестоматийным примером чего служит английский язык, который в

недавнем историческом прошлом был преимущественно флективным, а ныне близок к изолирующим языкам. Тенденция к изоляции наблюдается и в большинстве романских языков, утративших былое богатство флексий. Славянские языки (кроме болгарского и македонского) в этом отношении намного устойчивее. Во всех перечисленных примерах главным пусковым механизмом типологической эволюции была случайность: адстратные, субстратные и суперстратные явления либо отсутствие или незначительное воздействие таковых. Иная картина наблюдается в ряде индоиранских языков: здесь возникают новые синтетические стяжённые глагольные формы, в которых служебные слова аналитических конструкций приобретают статус морфем. Ясно, что главным действующим лицом в этом увлекательном типологическом спектакле выступает всё тот же неугомный закон экономии, а случайность, если таковая и присутствует, отступает вместе с законом стабильности на отдалённый план.

Дальнейшее освоение материала экзотических и малоизвестных языков, как позволительно надеяться, уточнит и расширит приведённые нами теоретические соображения.

УДК 82

М.С. Долгополая

**Перцепции романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского
в английской психоаналитической критике**

В статье описываются методологические принципы англоязычной психоаналитической критики, приводятся малоизвестные для отечественного читателя сведения из деятельности психоаналитической школы в Англии и Америке первой половины XX столетия, уточняются детали интерпретации романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» с позиций психоанализа, рассматриваются разнообразные перцепции этой книги русского писателя в литературоведении.

Ключевые слова: психоанализ, интерпретации, перцепция

Perception of the novel «The Brothers Karamazov» written by F.M. Dostoyevsky in English psychoanalytical criticism

In the following article the methodological principles of English psychoanalytical criticism are described. Little known facts for the Russian reader about ac-